

На следующий день после обеда в кабинет профессора Батшеды Бабблинг заглянула юная девушка. — Мисс Грейнджер, — приветствовала ее профессор, — чем могу быть вам полезна? — Ну... — девушка замялась. — Не стесняйтесь, говорите прямо, — подбодрила Батшеда. Девушка сделала шаг вперед и протянула профессору эссе. — Не могли бы вы взглянуть на него и сказать, правильно ли я расставила руны, профессор? — попросила она. Батшеда приподняла бровь. — Вы знаете, я не могу... — Нет, просто вы знаете о древних рунах больше всех! — воскликнула девушка. — Я писала эссе для этого класса, и кто-то увидел его и поправил мою грамматику, но... но я не знаю, доверять ли ему, потому что... ну, потому что я думала, что он ничего не смыслит в рунах... Батшеда нахмурилась, слушая объяснение девушки, но все же взяла эссе. Первое, что бросилось ей в глаза, — это стиль написания. Гермiona Грейнджер, несомненно, знала свои руны, но писала она как ребенок. Грамматика в этом эссе была куда сложнее и правильнее, чем все, что Батшеда когда-либо видела от учеников. — У вас есть что-нибудь, написанное этим таинственным человеком? — наконец спросила Батшеда. Гермiona Грейнджер порылась в своей сумке и достала другой пергамент, написанный совсем другой рукой. Батшеда сразу заметила разницу. Даже не вчитываясь, она видела, что Гермiona писала аккуратно, но тот, кто написал другой пергамент, писал еще аккуратнее. Почерк Гермiony казался детским по сравнению с ним. — Он сказал, что я пишу как ребенок, — призналась Гермiona. — Он также сказал, что я никогда не смогу использовать эти руны в магии, если не научусь писать красиво. Батшеда моргнула и посмотрела на девушку. — Я бы хотела познакомиться с этой загадочной личностью, — сказала она. — Так... значит, грамматика правильная? — спросила девушка нерешительно. Батшеда фыркнула. — Более чем правильная. Я бы сказала, абсолютно идеальная. Даже мастер не может так писать. Такой стиль встречается в древних книгах. Я никогда не думала, что ученик когда-нибудь сможет приблизиться к такому уровню. Обычно требуются десятилетия, чтобы научиться писать так красиво и грамматически правильно, как ваш друг. Если он действительно так хорош, как кажется, мне нужно с ним поговорить. Такой талант нельзя упускать. Гермiona Грейнджер устала на нее. — Он действительно так хорош? — спросила она, пораженная. Батшеда кивнула. — Он может стать мастером рун в кратчайшие сроки, — ответила она. — Кем бы ни был ваш друг, я не могу поверить, что он не выбрал этот предмет на третьем курсе! Девушка моргнула. — Откуда вы знаете...? — Я бы давно нашла его, если бы он посещал мои занятия, — ответила Батшеда. — Не будете ли вы так добры и не скажете ли ему, чтобы он пришел ко мне? — Я... я скажу, — заикнулась девушка. — Спасибо, что проверили мое эссе. И с этими словами девушка ушла. Батшеда смотрела ей вслед, пытаясь понять, кто же в этой школе разбирается в рунах так же хорошо, как она сама, а может быть, даже лучше... *** Ответ не заставил себя ждать. Батшеда сидела в своем кабинете, пытаясь перевести текст, найденный ею в библиотеке несколько недель назад. Текст был древним, написанным на рунах и брежонеге. Он был посвящен трансфигурации, и Батшеда была уверена, что в нем содержалась информация, которую Минерва МакГонагалл могла бы украсть. Единственная проблема заключалась в том, что текст был слишком сложным для нее. Она перевела большую часть, но много мест оставалось непонятными. Она вздохнула и отложила книгу, закрыв глаза. Она не была уверена, что когда-нибудь сможет полностью перевести этот текст. В этот момент дверь в кабинет открылась. Батшеда подняла голову и увидела Гарри Поттера, который вошел и мягко закрыл за собой дверь. Теплое красное свечение указывало на некое подопечное устройство, которое встало на место, когда он закрыл дверь. — Что...? — начала она, но ее прервал сам мальчик. — Вы хотели меня видеть, профессор, — нейтрально сказал он. — Э... я хотела? — растерялась она. — Вы попросили Гермiony Грейнджер послать за мной несколько часов назад, — тихо ответил мальчик. Батшеде понадобилось мгновение, чтобы сообразить. — Значит, ты и есть тот таинственный человек, который разбирается в древних рунах лучше, чем любой другой студент, которого я когда-либо видела? Мальчик пожал плечами и подошел к ее столу. Батшеда улыбнулась, заметив его интерес к книге, лежащей перед ней. — Я пытаюсь перевести ее для вашего старосты, — сказала она. Мальчик ничего не ответил, но повернул книгу, чтобы

посмотреть на нее. Батшеда видела, как его глаза пробежали по строчкам быстрее, чем ее собственные.— Перманентная трансфигурация — сложный предмет, профессор, — сказал мальчик.— Вы можете сказать? — удивленно спросила Батшеда. Мальчик перед ней фыркнул.— Я умею читать, профессор, — ответил он.— Но это очень сложный текст на рунах... — удивилась Батшеда. Мальчик пожал плечами и повернул ее перевод, чтобы тоже просмотреть его.— Вы сделали несколько ошибок, — сказал он. Батшеда удивленно посмотрела на него и повернула тексты, чтобы можно было их прочитать.— Я так не думаю...— О, но вы сделали, — сказал мальчик. — Позвольте мне объяснить... За следующие полчаса Батшеда узнала о древних рунах больше, чем когда-либо прежде. То, что упомянул мальчик, было поразительным, но в то же время логичным. Внезапно текст, который она пыталась понять в течение последних трех недель, обрел для нее абсолютный смысл. Пока мальчик говорил, она делала торопливые заметки, обещая себе, что позже перепишет их аккуратнее. Мальчик нахмурился, увидев, как она записывает руны.— Вы тоже пишете неаккуратно, — сказал он. Батшеда удивленно посмотрела на него и опустила взгляд на свои записи.— Мне просто нужно знать, что вы сказали позже, — сказала она. — Нет необходимости писать аккуратно. Мальчик снова нахмурился, явно не соглашаясь с ее мнением, но ничего не сказал и просто продолжил. Наконец он остановился.— Ты должен попытаться перевести книгу, используя эту информацию. Я думаю, этого будет достаточно, чтобы все понять, — заявил он. Батшеда опустила взгляд на свои записи, словно пытаясь найти там ответ, а затем снова подняла глаза на мальчика. — Откуда ты все это знаешь...? — спросила она, голос её дрожал от недоверия. — Нет никого, кто бы знал...— Семейная магия, — ответил мальчик, и в его голосе прозвучало нечто таинственное, почти угрожающее. — Мне не позволено говорить тебе. Слова "семейная магия" прозвучали в тишине комнаты, подобно эху, и Батшеда почувствовала, как её сердце забилось быстрее. Она понимала, что за этими словами скрывается нечто большее, нечто опасное и неуловимое, что навсегда изменит её жизнь.